

Олег Минкевич

ПО СОВЕТУ БАБЕЛЯНА

СБОРНИК ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

Олег Минкевич

**По совету Бабеляна. Сборник
юмористических произведений**

«Издательские решения»

Минкевич О.

По совету Бабеяна. Сборник юмористических произведений /
О. Минкевич — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-967079-3

Доводилось ли вам спорить с роботом о юридических правах? А участвовать в чаепитии со смертью? Быть может, вы видели гигантского зайца, скачущего по крышам мирного города? Нет? Тогда эта книга предоставит вам такую возможность. Смелее! В стране затейливых образов вас поджидает повседневная насущность.

ISBN 978-5-44-967079-3

© Минкевич О.
© Издательские решения

Содержание

Будильник	6
Блокнот Бонифаса Фабре	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

По совету Бабеляна Сборник юмористических произведений

Олег Минкевич

*Тема диссертации: «Человек в истории человечества».
Станислав Ежи Лец*

© Олег Минкевич, 2019

ISBN 978-5-4496-7079-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Будильник

«Привычка свыше нам дана: замена счастию она...» Я не сомневаюсь, многие поддержат эту мысль и скажут: «Да, поэт прав». Однако старший бухгалтер туристической фирмы «Лунный песок» Антон Семёнович Кирпичиков не входит в число солидарных с мнением классика, так как, не видя тождества между счастьем и привычкой, не понимает, в чём польза и логичность такой замены. Надо заметить, что, говоря «привычка», Кирпичиков подразумевает дурную разновидность таковой. Как мы увидим в дальнейшем, у Антона Семёновича есть ещё одна весомая причина сторониться этого суждения, ибо его собственная, закалённая годами привычка сыграла с ним преподлую шутку, последствия которой никто и никогда не смог бы предвидеть.

Было субботнее летнее утро. Антон Семёнович, положив бухгалтерские пальцы на плечо драгоценной супружницы, спал крепчайшим сном. Ему снились цифры, отдыхающие под зонтиками тропических пляжей. Его сон был так крепок, что, казалось, и взрыв атомной бомбы за окном не вытянул бы его из вязкого болота диковинных грёз. Но будильник – не бомба, дело своё знает и изымет почивающую душу из любых сновидческих глубин. Этот механизм, обделённый человеческой любовью, поставил человека в зависимое от себя положение, вследствие чего в глазах второго, от природы тяготеющего к свободе, вошёл в ряд антипатичных, доминирующих устройств вместе с артиллерийскими установками, стоматологическими бор-машинами и неисправными кофемолками.

Будильник старшего бухгалтера Кирпичикова был, что называется, допотопный. Крупный, тяжёлый, заводной, облачённый в блестящий металлический корпус, он мог бы уместиться во внушительной ладони косматого орангутана. Будильник этот Кирпичиков унаследовал от родного отца, который, в свою очередь, выиграл его в шахматы у казахского акына, заблудившегося в степях Приднестровья. Видимо, Антон Семёнович имел к своему будильнику немалую привязанность и потому в век высоких технологий упорно держался за этот анахронистический предмет.

Что ещё можно сказать об этом будильнике? Пожалуй, только одно – он зазвонил. Зазвонил он в субботнее утро, зазвонил по вине самого Кирпичикова, который перед сном по привычке его завёл. Будильник не просто звенел, он гремел и прыгал на табуретке, вертелся и стучал, желая во что бы то ни стало пробудить спящих супругов.

Первым проснулся Кирпичиков. Он поднял с подушки взлохмаченную голову, отворил глаза, огляделся и, обнаружив звучащий будильник, ударил его ладонью. Не устояв на миниатюрных ножках, будильник упал на стекло циферблата, но продолжал звенеть.

Ото сна очнулась бухгалтерская супруга и со словами «Антоша, что происходит?» сонными глазами уставилась на мужа. Разъярённый Кирпичиков, не вставая с кровати, стал ритмично колотить лежащий на табуретке будильник. Будильник продолжал звенеть и на каждый удар хозяина, подобно бьющейся в окно осе, отвечал коротким «вз-з». Лютый гнев обуял сознание Кирпичикова: он вскочил с кровати, схватил звенящий будильник и, позабыв совместно прожитые годы, вышвырнул неужённый механизм в открытое окно. Будильник упал в траву, где, прозвев ещё немного, наконец затих. Супруги Кирпичиковы, как приличествует в таких ситуациях, несколько поворчали, повздыхали и снова забылись сном.

Нет. Не раскаяние, скорее небольшое сожаление испытывал Антон Семёнович в течение всего дня после пробуждения. Проснувшись, он вспомнил, что совершил по отношению к своему будильнику очень неблагоприятный поступок. Кирпичиков прояснил взор и вышел на улицу, чтобы его подобрать. Но будильника там не оказалось. В нашем отечестве всякий беспризорный предмет, в каком бы состоянии он ни находился и как бы к нему ни относились оставив-

шие его люди, всегда привлечёт к себе внимание и любопытную руку. Кирпичиков об этом знал, поэтому и понимал, что поиски утраченного будильника не сулят положительного результата. Он осознал, что, выбросив в окно будильник, поступил опрометчиво, но распекать себя за содеянное не решился и обошёлся небольшим сожалением, которое уже к утру следующего дня преобразилось в лёгкую ностальгию, растворившуюся в бухгалтерской душе после сытного завтрака.

Вскоре Кирпичиков совершенно перестал вспоминать о неприятности, случившейся в субботнее утро. Он купил себе новые часы, которые пробуждали его приятным, ласкающим слух звоном колокольчиков.

Однажды, выйдя из дверей туристической фирмы, немного задумчивый и усталый, Антон Семёнович стал возле беспокойной дороги и начал ловить машину. Через пять минут подле него остановилось жёлтое такси. Кирпичиков, всё ещё пребывая в задумчивости, открыл дверь, сел на переднее сидение и, не глядя на водителя, сказал:

– Листопадная, 17.

– Здравствуйте, Антон Семёнович! – услышал он в ответ чей-то восторженный голос.

Кирпичиков посмотрел на водителя и обомлел... За рулём сидел его бывший будильник... Бухгалтер силился что-то произнести, но выходило лишь нескладное мычание. Будильник поблёскивал стеклом циферблата, весело крутил стрелками и помахивал маленькой ручкой, издавая слабые и короткие звонки.

– Ну как вы поживаете, Антон Семёнович? – трогаясь с места, спросил будильник и, не дожидаясь ответа, продолжил: – Я вот, сами видите, баранку теперь кручу. Жизнь, знаете, заставляет. Но не могу сказать, что работа в целом не нравится. Нет. Всё-таки и заработок неплохой имею, и с интересными людьми, бывает, знакомлюсь. Не сетую, нет. Вы, Антон Семёнович, не думайте, что я на вас обиду держу. Боже упаси! Вы, конечно, сами понимаете, что нехорошо поступили, выбросив меня в окно. И главное – за что? Зазвонил я по вашей воле. Сами ведь завели, а потом вздумали в окно кидать. Нехорошо. Я хоть и в траву упал, но боль почувствовал, да и муравьи, нелишне сказать, во все дыры закрались. А что потом было – и вспоминать не хочется... И дети в песок закапывали, и погода мучила, и всякая живность, я извиняюсь, нужду справляла... Но не думайте, не думайте, Антон Семёнович, обиду на вас не держу. Христианская добродетель не позволяет. Да и не выброси вы меня, я бы, так сказать, и мира не узнал, и суженую не встретил. Да, Антон Семёнович, женился, женился... вот уже второй год пошёл. Повстречал я замечательные часики. Я всюду ходил, думал, по профессии устроюсь, но везде отказывали, мол, у нас своих часов хватает. И вот в один прекрасный день прихожу я в городскую библиотеку, чтобы предложить свои услуги. Мне говорят: «В библиотеке будильник не нужен. Да и тикаете вы слишком громко». Я уже было хотел уходить, но тут заметил на стене умопомрачительные часики с тонкими стрелками. Во мне тут же зашевелились все шестерёнки! Я понял, что это любовь с первого взгляда. Да, любовь... Я смело взялся за дело, и вот мы уже второй год вместе, Антон Семёнович, можете нас поздравить.

Кирпичиков что-то промычал.

– Конечно, – продолжил будильник, – супруга моя дама образованная – сами понимаете, в каком месте работает, и я на её фоне выглядел того... не очень. Ведь у вас дома, Антон Семёнович, кроме календаря, и почитать-то было нечего, поэтому в грамматике и прочих науках я был будильником несведущим. Но мои часики за меня взялись, и я во многом поднаторел, поднабрался ума. Начал читать Овидия, Шекспира, Гомера... Сейчас, бывает, и сам стишки пописываю. Вот послушайте, вчера набросал... О время, время, время, куда же ты идёшь? Куда стремишься, время, куда... куда ты едешь? – вдруг рассерженно закричал будильник, узрев нарушителя правил дорожного движения. – Знаков не видишь? Кто им права выдаёт? Я не знаю! – говорил будильник, с каждым словом возвышая голос. – Сейчас, Антон Семёнович,

обман и головотяпство проникли во все инстанции. Надёжности нет никакой. Люди забывают о порядке и ответственности. Мне, бывает, и за руль страшно садиться, и в магазин идти, так как я не знаю, какой подвох меня подстерегает. Я уже не говорю о выборах и ипотеке, но когда в колбасе нет мяса, я плюю на либерализм! Слышите меня? Плюю! И всеми стрелками голову за радикальные меры авторитарной власти. Только в такой системе может существовать истинный порядок. Антон Семёнович, вы согласны со мной?

Кирпичиков мыкнул и нерешительно кивнул.

– Антон Семёнович, – смягчившись, произнёс будильник, – вы не возражаете, если мы на минутку остановимся? Нужно подобрать одного моего знакомого. Не волнуйтесь, это по дороге.

Кирпичиков издал приглушённый звук согласия; он стремительно белел. Через минуту будильник остановил такси возле стройплощадки. Вскоре из ворот, держа авоську с подсолнечным маслом, вышел красный пластмассовый будильник с кривоватыми ножками. Ничего не говоря, он уселся на заднее сиденье и грустно сдвинул стрелки.

– Мой друг по несчастью, – сказал бывший будильник Кирпичикова, указав на нового пассажира. – Не удивляйтесь, что он безмолвствует. У него сломалась подсветка – и его выкинули в мусорную корзину. С тех пор он дал себе слово никогда не говорить в присутствии человека. Как и я, поскитался по свету, устроился на стройку в сторожку. Денег, говорит, платят немного, но есть время, чтобы поразмыслить о бытийности и выносливости будильников в этом сложном, суровом мире... А это мой бывший хозяин, – он обратился к красному будильнику, который, услышав эти слова, бросил на Кирпичикова гневный взгляд. – Да, тот самый. Представляешь, свела судьба. Но я его простил. Прощение, друг мой, облегчает.

Водитель нажал на газ – машина тронулась. А Кирпичиков осторожно посмотрел на красный будильник. Тот демонстративно отвернулся, предварительно издав короткий презрительный звонок.

Дорога казалась Кирпичикову долгой, долгой, долгой... Его бывший будильник говорил об иезуитах и птенцах казуара, о сегрегации и североамериканских мотыльках, о победитовых свёрлах и до-минорной симфонии Бетховена. Когда Кирпичиков наконец вышел из такси, будильник-водитель, опустив стекло, с ним тепло простился и сказал, что теперь каждый день будет его подвозить.

Антон Семёнович после долго стоял возле своей квартиры, пытаясь попасть ключом в скважину дверного замка.

Я знаю, знаю, что кажется вам странным. Как красный будильник, будучи бессловесным пред людьми, устроился работать на стройку? Очень просто. В этом ему помогла старая испорченная кофемолка, привыкшая болтать без умолку.

Блокнот Бонифаса Фабре

Был расчудесный денёк. Пенсионерка Василиса Ивановна Сахаркова стояла у домашней плиты и, лучась лицом, варила клубничное варенье. Она неспешно помешивала густое варёво большой деревянной ложкой, вязнувшей в сладком ягодном «омуте». Варенье благоухало и побулькивало, притягивая беспокойных ос, кружившихся над кипящей кастрюлькой.

Василий Петрович Сахарков, любезный супруг Василисы Ивановны, сидел за столом и читал политическую газету. Периодически отмахиваясь от назойливых насекомых, он недовольно покачивал головою и вздыхал.

– Василисушка, ты послушай, что они пишут, – сказал Василий Петрович, встряхнув газету. Он кашлянул, поправил на носу очки и начал читать: – «Конфликт на таможне. Никто и не предполагал, что три ящика с авокадо станут причиной раздора между государствами. Однако это случилось. На прошлой неделе ирландские таможенники задержали крупную партию эквадорских апельсинов, поставленных из английского Бристоля. Осматривая товар, бдительные работники таможни обнаружили среди апельсинов три ящика с авокадо. Конфликт мог и не случиться, не будь в ящиках с авокадо четырёх скорпионов. Руководство страны было тут же информировано. На совещании руководящие чины пришли к выводу, что политические деятели Эквадора вступили в тайное соглашение с правительством Великобритании, стремящимся подчинить себе ирландский народ и его территории. Как сообщает ирландский источник, власти Ирландии разрывают дипломатические отношения с Эквадором и отказываются от его апельсинов. Госдеп США выразил сомнение относительно поставки эквадорских апельсинов из Бристоля; по мнению американских политиков, документы на поставку груза были сфальсифицированы. Эквадорские апельсины прибыли в Ирландию не из Бристоля, как это значится в декларации, а из Хабаровска, что говорит об участии в деле четвёртой стороны. Официальный представитель МИДа Российской Федерации в свою очередь заявляет, что так называемые „эквадорские апельсины“ на самом деле не имеют никакого отношения к Эквадору, так как выращены на калифорнийской вилле вице-президента Соединённых Штатов...»

– Ты посмотри, что творится, – оторвавшись от газеты, сказал Василий Петрович. – Апельсины, авокады... Пишут много, умно, а про ярославскую морковь ни слова... А она ведь тоже политику может делать, и шибче всяких апельсинов.

– Да, Васюша, да... – вымолвила Василиса Ивановна, помешивая варенье. Она поддержала мужа, хотя в данную минуту была очень далеко от мировых политических коллизий. Услышав об апельсинах, Василиса Ивановна унеслась во времена своей юности: она вспомнила, как когда-то пообещала себе посадить перед дворцом пионеров апельсиновое дерево, но так этого и не сделала.

Ностальгия одолела Василису Ивановну; её сердце сжалось, на глазах появились слёзы, руки задрожали. Она посмотрела на них: ослабшие, высохшие, морщинистые... «Эх... – вздохнула про себя Василиса Ивановна. – Старость, старость...» В груди кольнуло, и почудилось усталой пенсионерке, что близок её конец, отжила своё... Вот-вот, думала она, явится крылатая тень и метким ударом косы оборвёт старческие вздохи.

Да, с собственной мыслью спорить бесполезно. Ежели она пришла в голову, пусть осмотрится, авось сама уйдёт. Но в случае Василисы Ивановны на авось надежды не было – мысль о скорой личной кончине хорошо закрепилась в её голове. Предупредив старика, что *отходит*, она доварила варенье, улеглась на кровать и стала постанывать.

Василий Петрович начал сокрушаться:

– Да на кого ты меня, Василисушка, оставляешь? Что ж я без тебя?. Что мне, старому, тут делать? Мастерница моя, хозяйюшка... Варенье-то какое наварила, слаще мёду, а душу мою огорчаешь...

Но Василиса Ивановна не отвечала, она твёрдо положила умереть...

На следующий день в квартиру Сахарковых пришёл доктор – Ромул Фёдорович Артерианов. Ромул Фёдорович был человеком грузным, передвигался неспешно и тяжело сопел пупырчатым носом, походившим на сказочную картофелину. Смеяться доктор не умел. Физическая неторопливость Ромула Фёдоровича никак не влияла на работу его мысли, которая непрестанно опережала время. Прощупав пульс пациента, доктор Артерианов тут же выносил диагноз.

– Ромул Фёдорович, – жалобно обратился к доктору Василий Петрович, – Василисушка сказала, что к Богу отходит. Говорит, что время пришло. Душа сама просится.

Подойдя к постели умирающей, лежавшей в полузабвении, Ромул Фёдорович присел на стул, взял безвольную руку пациентки и нащупал пульс.

– Так-так, – сказал он с важностью в лице, – всё ясно. – Доктор достал ручку и листок бумаги. Что-то написав на листке, Артерианов вручил его Василию Петровичу и вышел в прихожую. Василий Петрович надел очки и вышел вслед за ним.

На листке было написано: «Улица Подворотнева, 4. Магазин грузинских вин «Досуг Пиросмани».

Сахарков вопросительно посмотрел на Артерианова.

– Пойдёте по этому адресу, возьмёте бутылочку саперави. Там недорого, – сказал Артерианов, бросив пустой взгляд на Сахаркова.

– А как пропишете, Ромул Фёдорович, по сколько грамм принимать? Может, ещё что... может, таблеток каких?

– Василий Петрович, вы меня не поняли, бутылочку возьмёте для меня.

– Как для вас? А как же Василисушка? – негодуя, сказал старик.

– Василиса Иванна, должен вам сказать... – замялся Артерианов. – Ну... понимаете, Василий Петрович, пульс – он не обманет. Так что... увы, увы... Я вам как доктор скажу, да и вы сами хорошо знаете, что век человеческий... ну да что там... Пойду я, Василий Петрович, пойду. А вы, пожалуйста, бумажечку не потеряйте и по адреску сходите.

Василий Петрович затужил основательно; он потерял сон и перестал читать газеты. Василиса Ивановна находилась в прежнем состоянии, готовая отдать Богу душу. Через пару дней к ней пришла смерть...

Смерть, которую так ожидала Василиса Ивановна, не влетела в окно, не прошла сквозь стену, не образовалась в воздухе, она позвонила в дверной звонок. Когда Василий Петрович отворил входную дверь, он увидел высокого, сухопарого незнакомца в чёрном костюме; в нагрудной петлице его пиджака красовалась красная гвоздика. На вид ему казалось лет сорок. В худом лице незнакомца не было ни кровинки. Тёмные глаза его смотрели в одну точку. Волосы были аккуратно зачёсаны и не отличались цветом от лица. В правой руке он держал чёрный кожаный саквояж.

– Добрый день, – вежливо, мягким голосом произнёс незнакомец. Он улыбнулся, на мгновение обнажив крупные белые зубы. – Это квартира Сахарковых?

– Да, – дрожа от страха, ответил Василий Петрович.

– Василиса Ивановна дома?

– Д... дома... она в кровати...

– Это хорошо, – сказал незнакомец и вошёл в квартиру, положив на пол свой саквояж. Василий Петрович испуганно отпрянул. – Меня зовут Бонифас Фабре. Наша встреча не должна быть для вас неожиданностью, потому что я знаю, что меня здесь ждали.

– Ждали? – пискнул Сахарков.

– Конечно, – ответил незнакомец. – Вы, как я полагаю, супруг Василисы Ивановны?

– Да.

– Вот смотрите. – Гость достал из кармана своего пиджака чёрный блокнот, открыл его и быстро пробежал пальцем по странице. – Вот копия записи из амбулаторной карты Василисы Ивановны Сахарковой. Запись сделана два дня назад доктором Артериановым. Доктор записал: «Осмотр показал, что пульс Сахарковой В. И. пропадёт через двое суток. Желание жить у пациентки отсутствует. Летальный исход неизбежен». – Фабре перевёл взгляд на Василия Петровича, у которого начали подгибаться ноги. – Скажите, был ли у вас доктор Артерианов? Говорил ли он (или намекал), что в ближайшие дни Василиса Ивановна Сахаркова встретится со своей смертью?

Сахарков молча кивнул.

– Так вот, я пришёл, я и есть её смерть...

Сахарков, схватив себя за голову, прижался к стене.

– Пожалуйста, проведите меня к ней, – сказал Фабре.

– А-а, хорошо... хорошо, – опомнился Василий Петрович. – Я только сперва предупрежу... скажу, что пришли. Как вас?

– Бонифас Фабре, – сказал роковой гость и поправил гвоздику в петлице.

– Ага, Бонифас... А по бабушке? – спросил Сахарков, но, увидев всепоглощающий взор смерти, не стал дожидаться ответа и пошёл к Василисе Ивановне.

Василиса Ивановна лежала на кровати в ожидании смерти. Измученным, болезненным взглядом она встретила своего супруга, вошедшего к ней в комнату.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.